

ИСТОКИ

«Шьет как Бог», – говорили пять сестер Шишкиных о шестой, старшей – моей бабушке Ирине.

Она шла по двору, статная, на высоких каблуках, в шляпке с вуалью, с белым песком на плечах, безучастная морда которого свисала между завязанных узлов лап. Дворовые мальчишки кричали ей вслед: «Буржуи, буржуи!».

Бабушка держала «форму» до последнего вздоха.

Она возвращалась с заутрени. В руке, украшенной бриллиантовым кольцом с сапфиром (подарком первого мужа), она держала авоську с бутылкой прованского масла, пучком макарон, перевязанным бечевкой, и пачкой папирос «Беломорканал».

Другой рукой она прижимала завернутый в серую оберточную бумагу отрез материи – синего креп-жоржета на новое платье.

Оставшись когда-то семнадцатилетней вдовой офицера русской армии, польского барона, погибшего где-то на фронтах Первой мировой, она, казалось, была приспособлена к выживанию в любых условиях. Войны, голод, революции, переезды научили ее и варить «кашу из топора», и обучать русскому языку и родной литературе малограмотный пролетариат в школе рабочей молодежи. А еще шить.

У нее был Дар. И Вкус, и чувство Стиля.

Она могла шить все: от корсета на китовом усе до шубы из недоенных молю остатков меха.

Это ее умение передалось (через поколение) и мне.

ПАОЛА

Первую свою пошитую вещь – юбку-колокол по моде того времени – я осилила самостоятельно, без машинки, как могла, в 9 лет. По кое-как подшито на руках подолу была протянута проволока – для пышности, ибо накрахмаленные нижние юбки ребенку не полагались.

Десятилетиями я обшивала, как сумасшедшая, себя, свою дочь, своих подруг и иногда знакомых. Едва закончив художественную школу, я попала в дом (тогда еще не легендарной) Паолы Волковой. Она читала во ВГИКе курс лекций по западному искусству. К ней приводили «на смотр» юные дарования. Она их благословляла и опекала. Совсем еще молодая, но годящаяся мне в матери, увидев мои рисунки и способности к шитью, она предрекла мне карьеру модельера, стала знакомить с кем-то, в том числе и с Рустамом Хамдамовым, в то время еще студентом. Но я была непоколебима: рисовать! Кино! ВГИК! Он манил меня интеллектуальной, элитарной атмосферой. Остальное, как я считала в свои 18 лет, было ничтожно.

О, как петляет путь художника! Сколько его ждет открытый в самом себе.

ЛЮБОВЬ и ЗАВИСТЬ

Заканчивая художественный факультет ВГИКа, я выбрала темой дипломной работы рассказ Ю. Олеши «Любовь» (1929). Интересней, острее была повесть «Зависть», но отговорили... да и любовь все же лучше зависти...

В рассказе Ю. Олеши главный герой под влиянием любви воспринимает мир неправильно – искривленным. А раз так, решила я, то и облик героини может быть с некоторым «сдвигом». Ее образ мне навяли «иронические портреты» физкультурниц Вл. Лебедева.

Эту свою немножко смешную героиню я вспомнила 40 лет спустя. Как-то в предновогодней суеде я рылась в дедовом сундуке в поисках старых елочных игрушек. Их почти не осталось – растворились во времени. Но какое тепло и очарование исходило от них когда-то!

И тут промелькнула идея!

А если по-новому прочесть образы старых игрушек – как Знаки Времени? Как тему Прошлого, увиденного сегодняшними глазами, как связь времен! К тому же я устала от привычного языка графики (да и живописи) – у художника случаются моменты «выгорания» – и мне требовалась смена материала. Текстиль казался самым подходящим для выражения идеи.

ФИЗКУЛЬТУРНИЦА

С этой своей «физкультурницы» в красных трусах, с букетом я и начала придумывать и шить всю серию.

Полуобъемные, с нарочитой небрежностью, с почти необработанными мохрящимися краями, едва обметанными цветной ниткой (розовой, черной, голубой), не совпадающей по цвету с тканью, – такими мне увиделись «игрушки».

Физкультурница потянула за собой других героев, когда-то уже нарисованных мною – Футболиста, Баскетболистку,

Балерин. Раздутые, с упором на некоторую неказистость, они по-своему обаятельны и грациозны.

Когда-то меня поразили старые фотографии и кадры кинохроники довоенных спортивных парадов на Красной площади, где спортсмены, в очень коротких трусах с обнаженными торсами, и широкобедрые коротконогие, как сейчас кажется, физкультурницы, вооруженные пистолетами и автоматами, маршируют, выстраиваются в многофигурные композиции, пирамиды, звезды, изображают крутящиеся шестерни, подшипники... Спорт спортом, но готовность к бою с врагом, внешним и внутренним, была святой обязанностью всех и каждого, в том числе и женщин.

ИГРА

«Игрушки» постепенно превратились в «Игру в счастливое прошлое» и обрели собственную, не елочную жизнь.

В каждом образе просматривается некоторый «сдвиг», что-то нарушено, сбит какой-то привычный порядок вещей.

Так ЗАЙЧИК С МОРКОВКОЙ переродился у меня в несколько драного «Коммунистического зайца» периода «развитого» социализма с признаками партийной принадлежности на откормленном теле и с серпом и молотом на животе. Закрыв глаза, он сладострастно обнимает морковь с пышными, ниспадающими «волосами».

В костюме АРТИСТКИ Л. ОРЛОВОЙ заметен явный непорядок – сквозь прозрачную юбку проглядывают чулки с резинками! Народная артистка спешила на встречу со своим народом – работницами Трехгорной мануфактуры и (какой конфуз!) забыла надеть комбинацию...

МАРИОН ДИКСОН – героиня фильма «Цирк» (который так любила моя бабушка и которую играла Любовь Орлова) слегка полновата для обтягивающего розового трико (вспомним Марлен Дитрих из «Голубого Ангела», 1930).

«Оружью, как женщине, нужна красота!», – сказал изобретатель М. Калашников о своем полезном изделии. Так вот вам нарядный, украшенный, как женщина, веселеньким ситчиком и цветочками АК-47.

ПОГРАНИЧНИК С ЗАЙЦЕМ, где заяц в точности повторяет жест бдительного стража (будь «начеку!») в шинели Красной армии. Но шинель расшита «под парчу» – это доведенные до абсурда заплаты – нелепость, невозможная при таком суровом деле, как охрана границы, где враг не дремлет!

МИШКА С АККОРДЕОНОМ, тоже слегка залатанный, получился скромным, но с некоторыми загадочными вкраплениями чужеродных предметов столовой утвари.

Абсурдный образ МАЛЬЧИКА-ЗАЙЧИКА НА УТЕНКЕ, а также ЗАЙЦА ВЕРХОМ НА КУРИЦЕ – это по-иному прочитанные персонажи старинных елочных игрушек, след озорных Святок с языческими «игрищами», «плясками» и «соблазнительными песнями».

А вот по-праздничному нарядная СВИНОМАТКА. Но что это? Среди узоров ее одежд видны линии будущей разделки! Неужели ее ждет участь свинины? Мы можем только догадываться... Красота скоротечна!

На МЕТРОСТРОЕВКЕ с монументальным торсом надеты грубые рабочие штаны с трудовыми лозунгами. Но трогательный простой лифчик старого кроя на пуговицах, придает ее облику нежность и беззащитность. Эта Советская Венера – гимн равноправию в стране чеховских и тургеневских героинь с их смятенными чувствами и неясными мечтами.

РЕГУЛИРОВЩИК – привычная фигура на улицах 1930–1950-х годов, когда не было светофоров. Но на его белой гимнастерке выстроены странные направления: «туда–сюда», «ниоткуда–никуда», «а куда–некуда», «некуда и незачем»...

ПОЭТ – из всех прорех его парчового пиджака выглядывают лица прекрасных дев. Поэт (с характерным остроносом профилем) в эпатажных красных клетчатых штанах, кое-где залатанных невпопад, и кожаных заграничных ботинках.

ВОДОЛАЗ напоминает персонажей Жюль Верна. Его облик навеян стилем стимпанк – это некий тандем человека и машины, где все-таки человек правит машиной, а не наоборот.

МОТОЦИКЛИСТ (как и ВОДОЛАЗ, фигура без лица) – одно целое со своей машиной, «кентавр» того времени. Вспомним лихого Савранского из «Покровских ворот».

На ФУТБОЛИСТЕ и БАСКЕТБОЛИСТКЕ надеты не подходящие случаю трусы в цветочек. Несмотря на динамичные позы, сбивают с толку их неправдоподобно мощные ноги. На лицах – уверенность в победе, да и грудь спортсменки (справа и слева) украшают главные советские символы – звезда, серп и молот.

ЖЕНЩИНА, НА ПАРОВОЗ! – с плаката А. Дейнеки. А паровоз (передовая машина своего времени) расшит золотом и парчой «под карету».

Кривенький ПРИМУС – символ домашнего очага – невпопад украшен аппликациями из ситца. На ПРИМУСЕ – кипящий чайник с убогим цветочком, сбившимся на бок.

ТРАКТОР – достижение механизации аграрной страны. Но что-то с ним не так... Странный он какой-то... Но затейливый и по-своему нарядный.

Сказочно выглядит и густо расшитый (вышивкой, бисером) САМОЛЕТ, больше напоминающий экзотического жука, но такой вряд ли взлетит.

ТАНК Т-34 расшит золотой ниткой. Украшенный старинными пуговками, он потерял свою устрашающую природу и превратился в украшение.

БУФЕТЧИЦА КЛАВА – собирательный образ народной героини. Обслуживая граждан, она обходится без лишних формальностей. Ее незамысловатый наряд хоть и не отличается тонким вкусом (под легкой юбкой наблюдаются теплые трико «с начесом»), но вполне жизнерадостен. Золотые часы и колечки с камушками на каждом пальце – признак достатка.

Швейную МАШИНКУ «ЗИНГЕР» (одевавшую и порой кормившую целые поколения советских людей) передавали от бабушки внучке. Машинка «ZINGER» отличалась неубиваемым механизмом, непревзойденным дизайном и изяществом форм.

ОДЕТТА и ОДИЛЛИЯ из «Лебединого озера» явно полноваты для балерин, хотя и не лишены грации, правда, почему-то сквозь изящные балетные пачки проглядывают неподходящего цвета грубые ситцевые трусы в розочку.

Обмякший поздней весной СНЕГОВИК совсем посерел и теряет форму. И как последнее унижение – писающая на него СОБАЧКА с высоко поднятой лапой и удовлетворенной мордой!

Чудо техники – первый черно-белый телевизор КВН-49! Не каждая семья могла наслаждаться такой радостью. Он представлял собой деревянный куб с отверстием для динамика, обитым тканью. У малюсенького экрана (иногда с линзой) собиралась вся семья, приходили соседи. Иногда его украшала кружевная салфетка, на которой стояла фарфоровая статуэтка балерины (Г. Улановой) в позе умирающего лебедя.

А вот и ПУШКИН в потрепанном шелковом цилиндре. Он будто сошел с рисунка на полях своих рукописей, но обрел объем и некоторую игривость благодаря эффектным остроносым штиблетам с гамашами. Полы его редингота расшиты цитатами из известных стихов.

И наконец, ДЕВОЧКА С МЯЧИКОМ – моя лирическая героиня. Немножко жаль этого толстого ребенка, выросшего из застиранного платьица, из-под которого торчат убогие нелепые штаны и чулки «в резиночку», которые принято было надевать на детей обоего пола.

А ведь все персонажи и предметы «ИГРЫ» – это мир ее детства.

«ИГРА» – это размышления над образами прошлого и лукавый постмодернистский взгляд художника сегодняшними восхищенными глазами.

